

Владимир ПРИБЫТКОВ

ТЯГА

(из охотничьих рассказов)

Охотиться мне не разрешали долго: мать находила охоту недоброй и опасной забавой. Но в шестнадцать лет я на своем настоял.

Знакомые взяли на тягу под Крекшино, поставили на по-

ляне с редким, мелким березнячком, неподалеку от зазубренной стены старого бора, и оставили одного.

Солнце село. Птицы умолкали. В березках синело, нижние ветви елей слились с землей. В неподвижной черной луже возле голого куста боярышника отразилась первая звезда. Выстрел вдали. Еще один. Еще.. Сердце стучало, оглушая. Вдруг не налетят? А если налетят и промажу?

В шестнадцать лет веришь, будто все тебе по плечу, любое дело сделаешь не хуже другого. И — любишь. Впервые. Самую лучшую девушку в мире! С ней даже заговорить немислимо, и остается одно — везде, во всем утверждать себя. Значит, нельзя промазать! Надо попасть!..

Вальдшнеп шел без хорканья, отчетливо видный на аспидно-сером небе. Шел над краем поляны..

Я подбежал к пеньку, где упала птица, встал на колени в мокрую прель, взял в ладони еще теплое, но уже не живое. Клянусь, если б мог я тогда оживить эту длинноносую, с печальными глазами птицу, я ее оживил бы. Клянусь!

..Полвека минуло. Девушка, которую я так трепетно любил, вышла в годы войны, пока был на фронте, за человека, от фронта увернувшегося. Я давно знаю, что один всего не свершу, даже свою часть общего дела не доведу до конца, оставляю довершать другим. Пора успокоиться, понять, что плетью обуха не перешибешь! Но когда возникает вдруг на аспидно-сером знакомый силуэт волшебной птицы, сердце начинает биться сильнее и руки сами вскидывают старое, доброе ружьё. Но я не стреляю: может, где-то рядом, совсем близко, стоит неизвестный мне юноша, любящий самую лучшую девушку в мире... Сегодня его время. Пусть первым выстрелит он.